

Труд - 1997. - 15 янв. - с. 5.

КУЛЬТУРА

Евгений ПЕТРОСЯН:**“ЧЕМ БОЛЬШЕ ЮМОРА В ЭФИРЕ,
ТЕМ МЕНЬШЕ УЖАСОВ В ЖИЗНИ”**

Перефразировав историческое высказывание забытого Ленина, можно сказать, что важнейшим из всех искусств для русского человека является юмор — во всех видах и жанрах. Исследует эту столь популярную и тонкую субстанцию единственная телепередача — “Смехопанорама”. С ее ведущим, популярным артистом эстрады Евгением ПЕТРОСЯНОМ беседует корреспондент «Труда».

— Евгений Ваганович, что бы вы назвали основной проблемой телевидения?

— Проблема, пожалуй, в том, что все в этот ящик уткнулись. Процесс засасывает. Одну передачу посмотрел, хочется другую посмотреть, третью... Уже спать пора, но вот “Новости” очередные, и опять смотришь — вдруг Лебеда с другой стороны покажут... Телевидение нас пленило. Мы предпочитаем экран книге. Мы меньше ходим в театр, в гости. Конечно, есть и другие причины — боимся ходить ночью, много забот, усталость... Но то, что мы меньше общаемся, меньше читаем, — это факт. Телевизор удовлетворяет нашу потребность в информации и подменяет собой живое общение. И вот здесь, с моей точки зрения, таится самая страшная проблема, перед которой меркнут перемещение Лебеда, амбиции политиков и уж тем более проблемы поп-музыки.

У Станислава Ежи Леца есть замечательная фраза. “Когда человечество счастливо, ужасы сублимируются в искусство”. Фильмы ужасов придуманы на Западе от хорошей жизни. Для шекотания нервов. Вот, мол, какие страшные вещи бывают на свете. Относительно этого ваши проблемы не более чем мелкие неприятности. В подтексте: цените вашу жизнь. Это направление развивалось, появились триллеры, появились любители ужасиков, которые испытывают наслаждение, когда видят картину, на которой у человека из носа червь выползает... Не знаю, как можно такое полотно повесить в спальне или столовой. Но ведь продают эти картины... И покупают. Я не сторонник ортодоксальной критики. В советское время сказали бы: “Убить этого художника мало”. Нет, я не столь агрессивен. Ну не нравится — не смотри, иди дальше. Он же не покушается на твою жизнь, на твою свободу... Но когда в нашу совсем не благополучную жизнь привнесаются все эти ужасы, результат может оказаться непредсказуемым.

Мы от старой идеологии отказались, а новая еще не сформирована. Она еще даже не сформулирована. У нас эпоха перемен. И молодой человек может подумывать, что все эти permanently мелькающие ужасы — норма жизни. Ему уже кажется, что убить, изнасиловать — это нормально. Он это каждый день видит. Это входит в подкорку. Исподволь формирует психологию. И кто знает, в какого мутанта он превратится лет через десять. У нас ведь теперь свобода. Полная свобода. Более чем свобода. Но свобода одного человека должна состоять в гармонии со свободой другого. В общем, мне кажется, всю эту свободу надо было вводить “постепенней”. Я не хочу сказать, что нужно скрывать от народа страшную правду, убийства, преступления, но показывать это надо более деликатно. И дозированно.

— А как же знаменитые американские мюзиклы? Тут и намека нет на ужасы — сплошные пасторали.

— Лучшие мюзиклы созданы в то время, когда в Америке была депрессия. Примерно такая же, как у нас сейчас. Только они были в более выигрышном положении — у них не было коммунистического прошлого, которое разлагало человека, воспитывало в нем лень и желание ничего не делать. Так вот, когда в Америке была депрессия, в искусстве процветали мюзиклы. А за грубое слово могли посадить в тюрьму.

— То есть вы хотите сказать, что искусство уравнивает несовершенство жизни?

— Конечно. Более того — я считаю, что советское искусство спасло советского человека. Церкви-то не было. Где можно было найти идеалы, тепло? Мрак и ужас тридцать седьмого года, а на экранах — “Веселые ребята”, “Цирк”, “Волга-Волга”. Как салют в темную ночь. Радость, надежда. Значит, не все так плохо, думает зритель, значит, бывает и так! У нас нет психоаналитиков, которые работают в этом направлении. И поэтому чем больше будет на телевидении юмористических передач,

тем меньше будет ужасов в эфире и тем, следовательно, лучше. Потому что юмор необходим в трудную минуту.

— По идее сейчас должно пропагандироваться Нечто, выполняющее функцию современной религии.

— Но надо иметь это Нечто. Надо его создать. Выработать идею. Я не понимаю, то ли равнодушие, то ли некомпетентность, то ли бескультура, а может, все вместе, не дают нашему руководству сформулировать новую идеологию, которая проста как ясный день. Не может быть другого мнения — Великая Россия. И больше ничего. Великая Россия без национальных противопоставлений. Потому что понятие “русский” шире, чем национальность. Это огромное, космическое понятие. И одной этой идеи достаточно, чтобы народ захотел жить и открывать новые произведения, и думать о благе ближних, и делать добро людям, чтобы услышать в ответ доброе слово благодарности и думать не только о собственной наживе.

— Да кто же сегодня будет что-то делать за одно только доброе слово?

— Это следующий этап сознания.

— Вы надеетесь дожить до него?

— А он очень быстро наступит, я думаю.

— Мне кажется, что юмор, сатира в основе своей — субстанция разрушающая. Следовательно, вы, как юморист, разрушаете Великую идею?

— Да Бог с вами. Нигилизм, отрицание — это не моя программа. У такого явления, как смех, много функций. В том числе и терапевтическая. Американские ученые вообще определили, что у смеющегося человека вырабатываются определенные гормоны, которые лечат. Может быть, именно поэтому американцы все время улыбаются.

— А имеет значение качество юмора? Ведь причиной смеха является и изысканный афоризм, и матерный анекдот...

— Значение шутки заключено в ее связях с контекстом. Под контекстом я понимаю не только сюжет, но и место рассказа, обстоятельства, вплоть до эпохи на дворе. В зависимости от контекста смачный анекдот из уст, допустим, красивой девушки ощущается как пошлость. Он оказался в несоответствующем контексте. Свидетели сего не только не смеются, но чувствуют неловкость. Этот же анекдот, рассказанный солдатом в окопе перед атакой, вряд ли покажется пошлым. В данном контексте он вполне уместен. Каждая шутка, как краска на полотне художника, должна быть “положена” на соответствующий “фон”. Тогда она играет.

— Евгений Ваганович, как это вы, выпустивший три книги о юморе, уделяя столько внимания теории юмора, не потеряли способности смешить людей?

— Наш жанр отличен от всех других видов искусства — будь то живопись, музыка, литература. Мы не можем быть поняты нашим зрителем через сто лет. И даже через десять. Даже через год. Мы не можем быть поняты даже через минуту. Сию секунду или — никогда. Часто чутье подсказывает больше, чем теоретические выкладки. Я много импровизирую на сцене. Порой зритель своим дыханием что-то подсказывает. Это уже на уровне звериного чутья. Но при этом я стараюсь понять законы жанра.

Ахматова считала, что законы поэзии надо определить и их знать. Мандельштам говорил, что существует поэтическая грамота. Он даже хотел ввести специальные поэтические знаки препинания. В нашем деле тоже имеет место юмористическая грамота. Юмористические знаки препинания. Например, два слова нужно слитно сказать. А если скажешь раздельно, не будет смешно.

— На телевидении не часто

появляются новые лица юмористов. Верно ли, что будто бы попасть на телевидение новому лицу, а иногда и старому, можно, только имея много денег?

— Может быть, это есть в поп-музыке. Я не знаю. Но в нашем жанре этого нет. Более того, мы мечтаем о новых лицах. Я их разыскиваю, я им помогаю, я их одеваю. В прямом и переносном смысле. Молодых очень мало, но они есть. Сейчас появилась девочка Наташа Коростылева, из Санкт-Петербурга приехала. И актриса интересная, и пишет хорошо. Парень серьезный появился — Ещенко Святослав. Думаю, будущая звезда. “Смехопанорама” может утверждать, что она его “рожает”. Конечно, я не могу спасти весь жанр, который находится на краю гибели. Концертов нет, а актер развивается в концертах. Он набивает себе шишки, он набирает опыт в концертах. Во всяком случае, я по себе сужу. Мы развивались, играя по одному, по два, по три концерта в день. Сейчас это дико звучит.

Кстати, о новых именах. У нас в стране есть эстрадные клоуны, — я об этом Никулину рассказывал, он был тоже удивлен, — которых мы совершенно не знаем. А Париж их знает. Вот сейчас после съемки “Смехопанорамы” они едут в Париж и будут сидеть там три месяца. И не в варьете. А в театре играть свои сольные спектакли. А мы их не знаем. И Полунин сидит где-то в Англии. А здесь его уже забывают.

“Смехопанорама” выполняет еще одну очень важную функцию. Мы сохраняем и систематизируем сохранившиеся старые записи. Переводим их на хорошую пленку. Хотя не все можно спасти. Недавно обнаружил запись Любы Полищук. Она читала “Монолог счастливой женщины” Георгия Терикова в передаче “Вокруг смеха”. Там ее так “круто” порезали... Шутки вырезали, а смех оставили. У зрителя полное недоумение. Я хочу ее показать в одной из передач, но, боюсь, кто-то подумает, что это я ее искромсал. Мне обидно. Поэтому я хочу всем сказать: “Нет. Не я”. Но другой-то записи нет.

Я нередко вспоминаю номера, которые я видел, которые я помню и которых не существует на пленке. Это вызывает у меня горечь. Мне обидно, что это не увидят люди. 99 процентов утрачено из того, что сделано актерами на телевидении. Была передача “Ар-тлото”. Девять лет шла единственная развлекательная программа на телевидении. Хоть один выпуск надо было сохранить?

Кстати, все “Смехопанорамы” сохраняются. Сейчас телевидение очень серьезно к этому относится. И мне радостно, что моя работа останется будущим поколениям.

— Как вы думаете, почему на телевидении конференсы отсутствуют как жанр?

— Мне кажется, дело не в том, что конференсы, как и многое другое, исчез с телевидения. Он из жизни исчез. То, что я сейчас встречаю в конференсе, — творческая угловатость. Вчера меня в Театре эстрады объявлял конференсье. И сделал при этом четыре непростительные ошибки. У меня это вызывает такое же раздражение, как у музыканта фальшивая нота.

Так что отсутствие конференсы — это не проблема телевидения. Телевидение показывает то, что есть. То, чего нет, оно показать не может. Поэтому давайте стараться, чтобы в жизни было больше хорошего. Тогда меньше станет поводов ругать телевидение. Как говорится, нечего на зеркало пенять...

**Беседу вела
Наталья ЛОГИНОВА.**

207